

СТЕПАНОВ Ю. С.

ГЕРУНДИВЫ И ИМЕНА ДЕЙСТВИЯ В ДРЕВНЕЙШЕМ СТРОЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Под условным названием «герундивы», или «деепричастия», выбранным исключительно для краткости, мы объединяем такие формы и.-е. языков, как латинские герундий и герундив, т. е. формы на *-ndo*, древнеиндийский абсолют на *-am*, литовское деепричастие (*pusdalyvis*) на *-damas* и соответствующую латышскую форму и некот. др. Их происхождение и первоначальный морфологический состав, в особенности этимология суффиксальных элементов, остаются невыясненными. Например, возникновение латинских герундивных форм, являющееся, как известно, «белым пятном» латинской грамматики, породило огромную литературу, состоящую почти целиком из контrovers (см. из основных работ [1—3] и др.). По-видимому, морфологический подход к этой и аналогичным проблемам можно считать исчерпанным и не ждать на этом пути существенно новых решений. Такой вывод уже определенно наметился в ряде работ [2, с. 41; 4, с. 115; 5, с. 203].

Ниже делается попытка обрисовать синтаксический подход к морфологическим проблемам. Есть основания считать, что в основе образования названных форм лежат не морфологические и не словообразовательные, а синтаксические процессы, и что эти формы представляют собой синтагмы, закрепившиеся в определенном фиксированном наборе своих синтаксических показателей (т. е. применить тот самый подход, который, в частности, давно уже стал обычным при объяснении индоевропейских инфинитивов). Как индивидуальные материальные элементы эти показатели могут быть нетождественны в разных и.-е. языках, но они черпаются из одного и того же класса слов и их функции определяются одним и тем же строем предложения.

Уже полвека назад Э. Бенвенист выдвинул гипотезу, что латинский герундий-герундив разлагается на элемент **-do*, который присоединяется к глагольной основе, распространенной посредством **-en/-on* [6, с. 176]. Например, *oriundus* «происходящий из» состоит из **ori + on + do-*; *uolwendus* «вращающийся, возвращающийся» — из **uolu + en + do-* и т. п. Образование на **-en/-on* Э. Бенвенист определил как отглагольное имя с нерасчлененным, «медальным» залоговым значением находящее соответствие в индоиранских, германских (инфинитивы на **-ono-*), греческом языках. В греческом, по Бенвенисту, ему соответствует инфинитив на *-en*. Хотя последний трактуется обычно как инфинитив активного залога, это расхождение с латинским, по-видимому, легко объяснимо тем, что в греческом языке показатель *-en*, оказавшийся в исходе слова, специализировался позднее, путем его противопоставления показателю медального инфинитива *-enai*. Эта часть реконструкции Э. Бенвениста представляется хорошо обоснованной (ср. также ниже новую точку зрения Ж. Одри).

Что касается элемента **-do*, то Э. Бенвенист квалифицировал его как италийский суффикс и отождествил с латинским суффиксом **-d-* в образованиях прилагательных от непереходных глаголов: *tepīdus* «тепловатый», *callīdus* «искусный, ловкий», умбр. *kalersu*, *kaleřuf* и т. д. Однако здесь возникают два вопроса, на которые нельзя ответить, исходя из реконструкции Э. Бенвениста: 1) каким образом «суффикс» мог присоединяться к полному слову, «инфинитиву на *-en*», т. е. следовать после флексии?; 2) почему среди форм латинского отглагольного имени — герундия отсут-

ствуют формы номинатива, тогда как формы всех косвенных падежей представлены?

Эти вопросы получают ответ, если отождествить элемент, следующий за **-en/-en*, с анафорической энклитической частицей, существующей самостоятельно в виде лат. *dum*. Ее первоначальным значением было, очевидно, просто подчеркивание говоримого: «вот это, здесь, в данный момент». Отсюда все ее остальные употребления в латинском: 1) с императивом и другими формами: *dicdum* (Плавт) «скажи же», *age dum* «ну же! делай же!», *quidum* (Плавт) «как же?»; 2) в сращении с другими частицами: *pondum* «еще нет», *neque dum satis* «еще недостаточно» и т. п.; 3) как союз «между тем как», «в то время как», «пока», «пока не», «лишь бы»; особенностью *dum* как союза является то, что при нем первоначально употреблялась только форма настоящего времени, каково бы ни было время всего высказывания, ср.: *dum haec in conloquio geruntur*, *Caesari nuntiatum est...* (Caes., *Bel. Gal.*, I, 46, 1) «Пока эти вопросы обсуждались (букв.: обсуждаются), Цезарю сообщили...»; 4) как относительная частица в паре с *cum* (*quom*): *cum... dum* «когда... тогда». В латинском языке *-dum* может быть сопоставлено с другими энклитическими частицами — *-dam* (ср. *quidam*), *-dem* (ср. *idem*) [7, с. 187], и таким образом восстанавливается целая парадигма: *-dum*, *-dam*, *-dem*.

Полное соответствие последней обнаруживается в древнегреческом в виде параллельных суффиксов наречий *-ζον*, *-δα*, *-δην* (дорийск., беотийск. *-δαῦν*), где *-δα* может соответствовать как лат. *-dam*, так и *-dum* (<*-dm*); *-δην* соответствует лат. **-dēm* > *-dēm* (ср. аккузатив *gēm* > *gēm*). Эти суффиксы присоединялись к первичным глагольным корням, в результате чего получались наречия-деепричастия со значением побочного действия или отглагольные имена со значением образа действия, характеризующие главное действие в самый момент его протекания (черта, свойственная также литовско-латышскому герундиву на *-dam-*, др.-инд. абсолютиву на *-am* и древнейшим латинским наречиям на *-tim*). Ср. от корня со значением «встать»: *ἀναστὰς* «вставая, стоя»; от корня со значением «иметь(ся)»: *σχεδόν* «поблизости, рядом», где суф. *-ζον* сам по себе выражает идею «совсем рядом» [8]: ...*Μαρίς δ' αὐτοσχεδὰ ἰστέρι' Αντιλόχῳ ἑπέρουσε καὶ γυνέτου χολώβεισ, / στὰς πρόσθεν νέκλος* (Ил., 16, 319) «Марис же, (выходясь) телом к телу (врукопашную), бросился с копьем на Антилоха, вспыхнув гневом за брата; стал перед павшим».

Суффикс *-δον* является, по-видимому, первичным; возможно, что он был осознан как номинатив-аккузатив ед. ч., и в параллель к нему были подстроены суффиксы *-δα*, *-δαῦν* выступавшие в качестве аккузативов мн. ч. [9, с. 626]. Этот суффикс обнаруживается и в сочетании с предшествующим элементом как *-νδον*, *-νδα*, *-νδην*. Такие наречия специализировались для обозначения игр и различных юридических процессов: *βασιλεύδα* «игра в царя», *ταίινδα* «игра в мяч» (от *ταίνειν* «светить, являть»); *ἀριστίδην* (юридич. термин) «выбирая наилучших» (от *ἄριστος* «наилучший») и т. п. При этом происхождение всего суффиксального комплекса представляется исследователям не поддающимся объяснению [10] (как и следовало ожидать, принимая во внимание исчерпанность морфологического подхода в таких случаях). Тем не менее элемент *-ν-*, предшествующий здесь основному суффиксу, допускает включение в несколько систем ответов:

1) Прежде всего греч. *-ν-* может представлять старшее *-εν-*, где *-ε-* испытало сужение под влиянием последующего носового. Такое явление отмечено для предлога аттич. *ἐν*, который в аркадо-киприотском диалекте стал *iv*; для причастия на *-ρεως*, арк.-кипр. *-ριως* и т. д. [11]. Образование на **-en*, предшествующее «суффиксу», может быть, отсуждено с древнейшими греческими инфинитивами на *-εν*.

Ж. Одри показал, что такие греческие инфинитивы являются отглагольными именами в синтагме с другим именем с синтаксической функцией субъекта или объекта, причем первое имя лишено показателей падежа, а второе стоит обычно в дат. падеже и его показатель оформляет синтагму в целом (т. е. имеет место то, что мы предположили для частицы *-dum*,

-δου), ср. др.-инд. *indrāya pātave* «Индре (дат. п.) для питья (второй дат. п. без формального показателя)»; *vrtrāya hāntave* «Вртре (для Вртры) для того, чтобы его поразить» [4, с. 115, 133]. (Нужно, впрочем, заметить, что греческие примеры Ж. Одри далеко не так однозначны и ясны, как их древнеиндийские параллели.) Еще ранее А. С. Мельничук постулировал сходные праславянские обороты как источник многих типов славянских предложений с инфинитивом, в частности и специфического славянского будущего типа русск. *буду спать* [12]. Данные Ж. Одри и А. С. Мельничука служат дополнительным косвенным аргументом в пользу нашей исходной гипотезы о латинском герундии-герундиве (см. выше). Тогда греч. -ιυδου как суффикс наречия-деепричастия может прямо соответствовать лат. -endum. Но такому отождествлению не противоречит и следующая более традиционная точка зрения; она в конечном счете указывает на то же, но лишь более косвенным образом.

2) Элемент -ιυ может отождествляться с и.-е. адвербиальным показателем *-in или *-im [9, с. 627], и таким образом греческие, а также и латинские формы входят в круг наречий-деепричастий вместе с лат. наречиями на -tim (*statim, ductim* и т. п.), оскско-умбрскими инфинитивами на -im, др.-инд. абсолютивом на -am. Все эти элементы — лат. -im, оск.-умбр. -im, др.-инд. -am — прямо сопоставимы с греч. -ου, -α в указанных суффиксах, а сами суффиксы оказываются тогда содержащими *-in дважды: -ιυ-δ-ου. С элементом -δ- сопоставима, по-видимому, частица δέ(δη), служащая для связи слов и целых предложений, обычно в паре μέν(μην)...δέ(δη), но употребляемая и отдельно: (2) ...φιλεῖ δέ ἐ Πάλλας Ἀθήνη (Ил., 10, 245) «... (он), любит которого Афина Паллада».

Таким образом, вскрывающаяся при сопоставлении греч. -δου и лат. -dum и.-е. энклитическая частица *-dom// -dem// -dm оказывается, возможно, разложимой на части, имеющие самостоятельное значение (см. ниже). Но прежде всего напрашивается ее истолкование (для определенного, довольно позднего исторического этапа) как цельной анафорической частицы, и в таком случае бросаются в глаза древнеиранские и прусские соответствия.

Др.-иран. энклитика -dim, засвидетельствованная в Авесте, является единственной, т. е. неизменяемой, формой, которая, будучи осознана как аккузатив, дала затем начало всей парадигме этого относительного местоимения. Все это, далее, является полным соответствием к прусскому [13]. В прусских текстах чаще всего представлена форма аккузатива ед. ч. муж. и жен. рода -din, все остальные формы встречаются реже, а форма муж. р. ед. ч. *-dis вообще не засвидетельствована; имеется также форма -di в значении немецкого *man* [14, с. 103] и слово *digi* в значении связующей частицы «так же» (*di + gi*), ср.: (3) „Kawidans Grikans turedi Grikaut? Ettrais. Pirsdaui Deiwan turridi wissans Grikans sien skellānts dātunsi *digi* stans kans mes *digi* niersinnimai kāigi mes en Tawa Nouseon seggēmai“ (Enchiridion, 65, 15—19) [15] «В каких грехах должно исповедоваться? Отвечай. Перед богом должно во всех грехах себя виновным считать, также и в тех, которых мы так же не знаем, как мы в „Отче наш“ делаем».

Несомненный параллелизм имеется в употреблении этих прусских частиц и в др.-греч. μέν(μην)...δέ(δη) [16]. Кроме того, типологическую, а частично и материальную, параллель составляет, по-видимому, в тохарском А одна синтаксическая группа: абсолютив (на -or, -ar) регулярно сопровождается постпозитивной частицей -meⁿ (реже частицей -sa). Те же частицы сопровождают тохарский аккузатив (casus obliquus). Этимология частицы -meⁿ представлялась неясной [17], но в свете синтаксического сравнения в ней следует видеть, наверное, одну (первую) из двух сопряженных и.-е. частиц, тождественную греч. μέν(μην), тогда как вторая, тождественная греч. δέ(δη), также отдельно представлена в прусск. -din, *digi* и в лат. -dum. Еще одну параллель, в другом отношении, составляет то синтаксическое явление, что в хеттском языке в перифрастическом спряжении *hark* + пасс. причастие на -an форма причастия всегда неизменяема, несогласуема, — по существу это отглагольное наречие [18], как и «первичный» латинский герундив.

Весь этот комплекс черт, в особенности то, что формы авест. *dim*, прусск. *din* являются, несомненно, исходными и, следовательно, внепадежными формами, лишь позднее осознанными как аккузатив, заставляет поставить их в прямое соответствие с лат. *dum*. Подчеркнутая нами особенность не является случайной чертой сохранившихся текстов: анафорическое местоимение, к тому же не находящееся под сильным ударением, естественно, должно было очень редко употребляться там, где субъект (подлежащее) предложения был только что упомянут и сохранялся неизменным в качестве субъекта, т. е. в форме номинатива (ср. неестественность повтора он в русск. *Он пришел и он сказал*).

Этим же обстоятельством объясняется отсутствие формы номинатива в парадигме латинского герундия: в латыни классического периода ее роль выполнял инфинитив а к т и в н о г о залога на *-re*, тогда как все остальные падежи имели показатель *-nd-*. Таким образом, синтаксическая парадигма латинского герундия имела такой вид (только ед. ч.):

Nom. <i>dormire</i>	«спать, спать»
Gen. <i>dormiendi</i>	«спанья»
Dat. <i>dormiendo</i>	«спанью»
Acc. (ad) <i>dormiendum</i>	«(для) спанья» (или как Nom. или супин на <i>-tum</i>) или равен Nom. в обороте «Винительный с инфинитивом»
Abl. <i>dormiendo</i>	(или супин на <i>-tu</i>)

Как и в др.-перс. *dim* и прусск. *-din*, латинская форма на *-dum* была, несомненно, единственной исходной формой, которая была осознана как аккузатив муж.-ср. рода ед. ч. и дала начало всем косвенным падежам, стала «склоняться».

Хотя в силу грамматической традиции герундий считается отглагольным именем с активным значением [19, с. 338], в действительности эта характеристика относится к инфинитиву соответствующего глагола, т. е., например, если *uidere* «видеть» — активный глагол, то и форма *uidendo* «видя» оценивается как активная. Реальное синтаксическое употребление герундия не согласуется с этим, ср., например, (4) *ūrit uidendo femina* (Virg., Georg., III, 215) «женщина разжигает (мужчину) видя» (т. е. «когда ее видят»).

Однако характеризовать герундий здесь как неактивный и пассивный, нейтральный в залоговом отношении (как делается в [20, § 537]) тоже было бы неточным: суть такого употребления герундия — просто в том, что он не относится к подлежащему и сам не является подлежащим.

Какие синтаксические черты можно вывести из этих морфологических особенностей?

1) Форма на *-dum* — первоначально неизменяемая, «несклоняемая» по падежам, родам и числам. 2) Ее неизменяемая примета *-dum*, являясь анафорической частью, служит отсылкой данной формы к какому-то другому члену предложения, в силу субъектно-объектного строения индоевропейского простого предложения — либо к субъекту (подлежащему), либо к объекту (прямому дополнению). 3) Эта же неизменяемая примета *-dum* совпадает (с самого начала или впоследствии) с формой аккузатива ед. ч. муж.-ср. рода, и вся форма вследствие такого совпадения воспринимается как согласованная с объектом, т. е. из двух возможностей, заложенных во втором признаке — служить отсылкой либо к субъекту, выраженному номинативом, либо к объекту, выраженному аккузативом, — в латинском языке реализуется только вторая возможность. 4) С третьим признаком связан четвертый, ясно ощущаемый как тенденция латинского синтаксиса, но труднее формулируемый: в силу тяготения к позиции объекта форма на *-dum* не связывается с активным, одушевленным, подлинно действующим субъектом, в особенности с «я» говорящего, если он упомянут в форме номинатива.

Весь этот комплекс черт (назовем его «первичным герундивом») является, по-видимому, достаточно древним и присущим по крайней мере одной разновидности индоевропейского «герундива» вообще. Как мы увидим ниже, он прослеживается в балтийских языках и отчасти в древнеиндийском. Но латинский язык позволяет реконструировать его наиболее полно.

Ожидаемые в соответствии с такой реконструкцией реальные синтаксические употребления в действительности и засвидетельствованы в латинских текстах. Во-первых, полностью объясняется такое употребление, как в примере (4), — герундий здесь отсылает не к подлежащему, а к другому объекту, находящемуся вне данного предложения; *uidendo* «видя» относится к неназванному актанту «мужчина»: «Женщина разжигает, когда (мужчина ее) видит». И герундий при этом несколько не меняет залога (диатезы) глагола *uidere* «видеть»: «мужчина видит» — обычный залог этого глагола, переходный, или, точнее, активный неаффективный. Далее, делается понятным, почему форма на *-dum* никогда не относится к говорящему, к «я», если он обозначен аккузативом или номинативом, т. е. нет ничего подобного оборотам: (*5) *Me colendum est* «Меня нужно уважать (кому-то)»; (*5a) **Ego durmiendus sum* «Мне следует спать». В последнем значении всегда выступает только тип с дат. падежом: (6) *Mihi durmiendum est*.

Прямое дополнение в древнейшем типе просто «примыкает»: (7) *mi aduenienti hac noctu agitandumst uigilias* (Plautus, Trinummus, 869) «При моем приходе этой ночью мне надо поставить стражу».

И лишь позднее устанавливается согласование формы на *-dum* с объектом, т. е. герундий «заменяется» герундивом: (8) *vigilia mihi agitanda est*.

Такой тип согласования сохраняется также в других употреблениях, т. е. например, тип с прилагательным (9) *cupidus uidendi urbem* «жаждущий увидеть город» заменяется типом (10) *cupidus uidendae urbis* букв. «жаждущий города увиденного (которого надо увидеть)» [21, § 278]. Вообще, твердо установлено, что согласование латинского герундия-герундива — явление исторически довольно позднее [2, с. 32, 98], и при реконструкции этот слой должен быть удален с самого начала. Согласование здесь, таким образом, не является препятствием для установления прямых синтаксических параллелей с другими языками. Напротив, две другие особенности — пассивное значение и дательный падеж субъекта — требуют особого рассмотрения.

Если подходить к вопросу с точки зрения не морфологии, а синтаксиса, то латинские обороты (6), (7), (8) имеют прямые, именно синтаксические, соответствия за пределами латинского. Ср. в греческом, также с дат. падежом: (11) ὁ πατήρ ἐμοὶ τιμῆτος ἐστίν «мне следует почитать отца» как параллель к латинскому типу (8) *pater mihi colendus est*; (12) τὸν πατέρα ἐμοὶ τιμῆτος ἐστίν как параллель к более архаичному латинскому (7) *patrem mihi colendum est* [22, § 147, 2].

Вопрос об исконности дательного падежа в этом обороте и вообще дательного падежа как выражения посессивности окончательно не решен. Обычно датив в этой функции признается исконным и архаичным. Но в индоиранских языках он в такой функции отсутствует. В качестве соответствия к лат. *mihi est* «мне (т. е. у меня) есть» в ведийском имеется только *māma asti*, в то время как оборот с дативом *māhyam asti* значит только «есть для меня» или «мне предназначено». На этом основании Ж. Одри в недавней работе считает первичной функцией датива указание «адресата» действия [23]. Ср.: (13) *yā vah śārma śaśamānāya santi* (Rigveda, 1.85.12) «ваши защиты, которые (суть) тому, кто трудился».

В балто-славянских языках имеются соответствия всем этим типам (балто-славянский датив). Ср.: (14) русск. *Мне посуду мыть*; *Мне землю пахать*; (14a) литов. *Man indus plauti*; *Man žemę arti* как соответствие к (7), (12); (15) русск. архаич. и диал. *Мне земля пахати*; *Надо душа спасту*; *а капуста нам садити на соба* (Важская порядная XVII в.) и т. п.; (15a) совр. литов. *Man mazginis nutazgoti* «Мне посуда (им. падеж вместо винительного) мыть»; (15b) совр. лтш. *Vaiga izsukāt galva* «Надо расчесать

голова» как соответствие к (8), (11) (указание субъекта в дательном падеже может опускаться, если он ясен из контекста).

Эти данные внешнего сравнения подтверждают ранее сделанный вывод о том, что необычный русско-балтийский оборот с номинативом вместо аккумулятива типа *Земля пахать* является вторичным, результатом кантаминации нескольких более древних оборотов [24]. Из них же следует вывод, что модальность долженствования принадлежит не предикатному слову самому по себе, а в целом типу предложения *Мне (тебе, ему и т. д.) пахать* (т. е. «дат. пад. лица + инфинитив»).

Модальность оборота могла переходить не только на глагол «быть» [25], но и на другие предикативы. В древнегреческом при «безличной», т. е. несогласованной, конструкции нередки такие случаи, когда фраза, начатая с предикатом на *-τέον* (т. е. как латинский герундивный оборот), заканчивается в том же значении с инфинитивом (т. е. как русский и литовский оборот): ποιητέον, ἃ ἄν κλέοιτο, ἡ πόλις, ἣ παθεῖν (= παίστέον) ἀπ' αὐτοῦ (Plato, Crito, 51 c) «Надо исполнять то, что велит полис или же (пере)убедить его» [22, § 147, 2 примеч. 4]. Вообще, основным аналогом к латинскому герундиву в греческом, как и в балто-славянских языках, выступает не причастие и не прилагательное (греч. на *-τε-* литов. на *-tin-*), а инфинитив (презенса и аориста), ср. Ἀντίγονος τὸ Εὐμένους σῶμα τοῖς συγγενεῖσιν ἔδωκε ταφῆναι (ὀψαί) — *A. Eumenis corporis propinquis sepeliendum tradidit* «Антигон отдал труп Эвменида родственникам погresti (для погребения)» [22, § 125], причем, как это видно из приведенного примера, пассивный и активный инфинитивы могут чередоваться. Именно эта тенденция ясно выступает в послеклассический период, ср.: (16) *habeo me invenire* = ἔχω εὑρεῖν (активный); (17) *diuidi habeo* = χωρισθῆναι ἔχω (пассивный). Оборот последнего типа в этот период конкурирует именно с герундивным оборотом: (17a) *desolandus est locus ille* [26]. По-видимому, различие между (17) и (17a) объясняется характером субъекта: при ориентации на личный субъект («я») предпочитается (17), при ориентации на субъект-вещь — (17a).

Как показал Я. Эндзелин [27], латышское долженствовательное наклонение, дебитив, возникает сначала в инфинитивных предложениях того же типа, что (6)–(14): *Man jād* «Мне надо есть (кушать)». Происхождение частицы *ja-*, не до конца ясное, составляет особый вопрос, но что касается форм, идущих после частицы, то они по происхождению представляют собой чистый инфинитив: **Man (ja)ēst* «Мне есть (кушать)». Поскольку у глаголов нетематического спряжения, т. е. с основой на согласный, эти формы совпадали с 3-м л. ед. ч., они были — на фоне постепенного исчезновения бессвязочных предложений — системно переосмыслены как формы 3-го л. ед. ч., и по этому образцу стали употребляться в данной конструкции все глаголы, включая тематические. Возникла полная парадигма дебитива:

(18) (a) <i>Man jād</i>	«Мне (надо) есть (кушать)»
(б) <i>Man bija jād</i>	«Мне (надо) было есть»
(в) <i>Man bus jād</i>	«Мне (надо) будет есть» и т. д.

Формы (б) и (в) — подлинно глагольные, восходящие к конструкции типа *Мне есть пахати*, со связкой: форма (а) восходит к параллельному обороту без связки, типа *Вам — ходить*. В латышском дебитиве лишь доведена до конца общая балто-славянская тенденция к объединению двух первоначально различных, хотя и близких по форме и по значению оборотов — со связкой «быть» в 3-м л. ед. ч. и без связки, которая, будь она выражена, также приняла бы форму 3-го л. ед. ч. изъявительного наклонения.

На этом фоне становится вполне очевидным, что бесполезно пытаться связать происхождение «суффикса» *-nd* и какую-либо якобы изначально присущую ему модальность. Источник последней — не морфология, а синтаксис. Модальность долженствования, связываемая с герундивом в латинском языке лишь классической и послеклассической поры (факт, давно подмеченный), имеет источником не значение каких-либо морфем

в составе этой формы, не значение самой этой формы, а значение предложения в целом. В латинском языке эта тенденция так же доведена до конца, как и в латышском: модальность закрепились за тем предикатом, который обычно и почти исключительно употреблялся в данном типе предложения.

Точно так же синтаксически объясняется и пассивное значение латинского герундива. Как и модальность, оно коренится в данном типе предложения в целом: как только «безличная», т. е. несогласованная, форма заменяется личной, согласованной, т. е. объект становится подлежащим, а отличный от подлежащего субъект — *mihi* «мне» и т. п. остается [(7) *patrem mihi colendum est* → (8) *pater mihi colendus est* или (14) *мне посуду мыть* → (15) *мне посуда мыть*], так предикатив (чем бы он ни был — герундием-герундивом, инфинитивом) приобретает пассивное значение. В приведенных примерах активный предикатив (7) становится пассивным (8) без всякого изменения своей формы, кроме как в части согласования. Полный параллелизм с русскими примерами заставляет так же взглянуть и на их предикативы: активный инфинитив *мыть* (14) становится пассивным (15) без всякого изменения своей формы. Здесь часто имеет место *figura etymologica*: (15a) русск. *работа работать*; (15б) литов. *darbas dirbti*.

В свете этой параллели аномалия русского оборота *Земля надо пахать* может быть теперь сформулирована и иначе, не со стороны падежа (форма им. падежа может рассматриваться как вполне «нормальная»), а со стороны инфинитива: при нормальном падеже (именительном) стоит «ненормальный» активный инфинитив, тогда как должен был стоять инфинитив «пассивный», нечто вроде *Земля есть (надо) пахать-ся*. Но такой инфинитив в системе славянских языков отсутствует. В современном русском языке в этом случае вступает в силу трансформация главного предиката, такая, чтобы стал возможен пассивный инфинитив на *-ся*: *Земле надо пахаться*; *Картошке надо еще вариться*. Конечно, эти фразы выглядят не вполне нормативно, т. к. в норме субъект в дат. падеже должен быть здесь одушевленным. Возможна и другая трансформация, с той же целью: *Земля должна пахаться* (хотя предмет *земля* не может иметь чувства долга). В последнем случае трансформация пассивизации перенесена в модальный предикатив, и *должна* в этом случае не тождественно *должна* в случае активного субъекта: *Дочка должна слушаться маму*.

Пассивизация инфинитива в русском языке ярко проступает при распространении модального предиката еще каким-либо знаменательным глаголом, вторым инфинитивом, т. е., скажем, когда вместо *Надо ботинки сушить* говорят *Надо поставить ботинки сушить*. В этом случае современная русская речь настоятельно требует пассивизации первого инфинитива, и возникают колебания и варианты: *Надо поставить ботинки сушить/сушиться*; *Поставь картошку варить/вариться*; *Поставь молоко закиснуть/закисать*. А. А. Потебня отмечал этот характер инфинитива в древнерусском: *Поставлен крест целовати*, где он восстанавливал в качестве «доинфинитивного» слова не инфинитив на *-ти* («активный»), а достигательный («неактивный») инфинитив на *-тъ*, супин (*поставлен крест целовать*). (По непонятным причинам Потебня отрицает пассивный характер инфинитива в других похожих случаях, называя их инфинитивами с «мнимострадательным оттенком» [28, с. 406].)

*

В литовском и латышском имеется свойственное только этим языкам причастие наст. времени с показателем литов. *-damas* м. р., *-dama* ж. р., лтш. *-dams*, *-dama*, изменяющееся также по числам (но не по падежам!). В отличие от общеиндоевропейского причастия наст. вр. на *-nt-*, также сохранившегося в этих языках, причастие на *-dam-* не употребляется ни как предикатив (за несколькими исключениями в латышском), ни как атрибут, но только как приложение («апозитивно») к подлежащему: (19) литов. *vaikas verkdamas bėgo* «ребенок бежал плача»; (19a) лтш. *kuo dziedāšu malt iedama?* «что я буду петь, идя (жен. р., т. к. говорящий — женщина) молотъ (на мельницу)?».

Происхождение показателя *-dam-*, если его рассматривать морфологически, поэлементно, представляется столь же неясным, как и в случае латинского *-dum* [29, 30]. Напротив, многое разъясняется, если видеть в нем энклитическую частицу того же происхождения: и.-е. **-dm̥* > лат. *-dum*, литов.-лтш. *-dam-*, прусск. *-din*.

Указанное происхождение частицы хорошо объясняет весь комплекс семантико-синтаксических черт этого литовско-латышского причастия. Исходный комплекс, «первичный герундив», был, вероятно, тем же самым, что и на латинской почве (см. выше). Но его третий и четвертый признаки реализовались в этих языках иначе — контрастно по отношению к латинскому. Не совпадая здесь с показателем аккузатива, формальный элемент *-dam(as)* был ограничен связью с номинативом, т. е. с формой подлежащего в предложении (третий признак). В силу этого «балтийский герундив» относится обычно только к активно действующему, живому, одушевленному субъекту или к субъекту, уподобляемому таковому в данном высказывании (четвертый признак). Как и в латинском, полное согласование с подлежащим следует признать для балтийского герундива более поздним явлением. Засвидетельствованные в нескольких латышских диалектах формы «без окончания» (на *-dam*) являются не сокращенными, а первичными, что допускал уже Я. Эндзелин [31, § 801]: (20) *ravēdam ir labāk* «пропалыва- (с прополкой) — лучше». В данном примере нет и самого подлежащего субъекта, и он в определенной мере сходен с латинским (4).

От этого несогласования «первичного герундива» в литовско-латышском необходимо отличать вторичное, позднейшее несогласование, которое наступает после периода полного согласования. Последовательность здесь такова:

I. несогласованный «первичный герундив» на **-dam* [пример (20)];

II. «согласованный герундив» на *-damas, -dams (-dama)* [примеры (19, 19a)];

III. «рассогласованный герундив» на *-damai, -dama* (для всех родов и чисел), *-damos, -dami*.

Примеры последнего (III) этапа, при котором происходит фиксация герундива почти в любой родовой, числовой и падежной форме, широко представлены в современных литовских диалектах [30]: (21) *jis (ji, jie, jos) stovėdama skaitė* «он (она, они, оне) стоя читал (-ла, -ли)»; (21a) *anas gulėdami pradėjo pūti* «тот лежа начал гнить» (*gulėdami* — форма ном.-акк. дв. числа); (22) *ardamai nereikia žiopsot* «когда пахешь (букв. «пахая»), нельзя зевать», — здесь присоединенное окончание «герундива» *-ai* (в современном языке — окончание наречия) свидетельствует о том, что форма воспринимается как отглагольное наречие, вообще не требующее согласования.

Период «рассогласования» (II) форм на *-damas* в литовском совпадает с экспансией этих форм и с вытеснением ими форм причастий (этот процесс подробно описан в [5, §§ 67—71]), и, следовательно, связан в этом языке с начинающимся распадом «причастного синтаксиса». Последнее в балто-славянских языках происходит довольно поздно, почти на глазах исследователей. Полной параллелью к указанным литовским фактам является процесс «рассогласования» причастия и появления деепричастия в истории русского языка, начало которого датируется XII и даже XI в. [32]. Как известно, современные формы деепричастия русского языка восходят к различным формам действительных причастий: деепричастия на *-а(-я)* — к форме им. п. ед. ч. муж. р. наст. вр. (*сидя, лежа, неся* > *неся* и т. п.); деепричастия на *-учи* — к формам им. п. ед. ч. жен. р. (*сидючи, глядячи* и т. п.); деепричастия на *-е, -(е)ши* — к формам им. п. ед. ч. муж. и ср. р. (на *-е*) и жен. р. (на *-еши*) прош. вр. Приведем некоторые примеры из [28], составляющие параллель к (21)—(22): (23) *слышавше володимѣръ разнѣвасѧ* (Лавр. лет.) (мн. ч. вместо ед. ч.); (23a) *помоливъши сѧ епископъ* (Рост. Житие Нифонта 1219 г.) (им. пад. ед. ч. жен. р. вместо им. пад. ед. ч. муж. р.).

Древнеиндийские абсолютивы на *-at* обнаруживают большое сходство с литовско-латышскими герундивами на *-dam-* и отчасти с латин-

скими герундиями-герундивами, прежде всего в семантико-синтаксическом отношении. Конституирующая черта абсолютива на *-am* не имеет прямого соответствия в названных формах: абсолютив образует с главным предикатом особо тесное семантическое единство, он характеризует само протекание действия, «операцию», а не побочный элемент описания или повествования»; абсолютив, являясь производным от глагольного корня, всегда представлен только в сложении с той или иной приставкой [33], что в балтийских формах отмечается нечасто и как архаизм [27, § 69], но зато этой чертой абсолютива подобны греческим формам на *-δον*. Все остальные черты древнеиндийского абсолютива [33] прямо соответствуют чертам балтийских форм: абсолютив легко чередуется с причастиями наст. вр. (ср. в литовском [31, § 801; 5, § 67]), абсолютив всегда указывает действие, строго одновременное с главным, — также и балтийские формы допускают обозначение предшествующего или последующего действия скорее в виде исключения [31, § 799; 5, § 69]. Ср. (пример из [33]): (24) *ye vā adhvānam punarnivartam yanti nainam te gacchanti ye' punarnivartam yanti te gacchanti* «Те, кто идут по дороге, без конца возвращаясь вспять, не доходят до ее конца; те, кто идут, не возвращаясь вспять, те доходят».

Подобно балтийским формам (20), (22) и латинским (1), абсолютив на *-am* может относиться к неопределенному, неназванному субъекту (но всегда относится к субъекту и потому исключает пассивное значение) [33]: (25) *abhyūvartam stomā bhavanti* букв. «стома применяются, постоянно поворачиваясь».

И, наконец, подобно балтийским формам на *-dam-*, абсолютив на *-am* пережил период экспансии и упадка. Он почти отсутствует в самхитах, обильно представлен в брахманах и быстро исчезает затем [33; 34, с. 367]. Л. Рену считает источником абсолютива на *-am* инфинитив на *-am*, место которого в предложении абсолютив в точности занимает. Но в то время как инфинитив сохраняет форму корневого имени, абсолютив является формой имени действия на *-a* (с корнем в полной ступени) в аккумулятиве. Промежуточным звеном перехода от инфинитива к абсолютиву послужили, вероятно, в качестве главных предикатов глаголы движения, т. к. они естественно связывают и нейтрализуют различия инфинитива и герундива и именно при глаголах движения засвидетельствованы обе эти категории в древнейших индийских текстах [33, с. 390; ср. 34, с. 363].

*

Какой предшествующий строй предложения проступает за этими историческими засвидетельствованными чертами «герундива» в трех группах языков? Попытаемся скомбинировать их в общую картину:

1) противопоставление активного (одушевленного) субъекта неактивному (немаркированному по одушевленности — неодушевленности) объекту;

2) Наличие какой-то формы «общего, или неопределенного, падежа», которая могла ассоциироваться как с аккумулятивом объекта (в герундиве латинского), так и с номинативом субъекта (в герундиве балтийских языков) и, наконец, с аккумулятивом по форме, относящимся к субъекту (в абсолютиве ведийского языка);

3) аналитический характер выражения этого «неопределенного падежа» посредством энклитической частицы-анафоры **-dm-* (как в древнеиранских, латинском и прусском языках);

4) возможная членимость этой частицы, т. е. сочетание в ней двух частиц, одна из которых, **-m*, была приметой «неопределенного падежа» (в каком-то одном классе основ), а другая, **-d-* — анафорой, приметой отношения либо к субъекту, либо к объекту (т. е. употреблялась и сама по себе, как в греческом языке).

Первая из этих черт является общепризнанной в настоящее время чертой протоиндоевропейского простого предложения. Вторая черта получила детальное освещение в реконструкции А. В. Десницкой. Согласно этой реконструкции, формант *-m* не был изначально самостоятельным па-

дежным показателем, как не было и категории «аккузатива»; он выступал лишь как добавочная (синтаксическая) характеристика определенной группы именных основ, относящихся к классу потенциальных «объектов» (к «неодушевленному классу», позднее к «среднему роду») и использующихся в предложении исключительно в обстоятельственно-определятельной функции. Это одна из форм той универсальной категории, которая в ряде неиндоевропейских языков (например, в тюркских) известна как так называемый «неопределенный падеж». «Не исключена возможность, что она обладала еще добавочным оттенком „определенности“ в указании на соответствующий предмет. Поскольку имена класса „одушевленных“ могли выступать не только в субъектной функции, а могли также играть роль определителей признаков, данных в предикате или в других выделившихся уже членах предложения, и, следовательно, также должны были выступать в неформальном виде, в так называемом „неопределенном падеже“, мы можем считать с возможностью переноса показателя *-t*, связанного первоначально с определенной группой имен „объектного“ класса, выступавших в обстоятельственно-определятельной функции, на класс „одушевленных“. Этим самым показатель *-t* приобретает уже падежное значение, противопоставляясь характерному для данной категории имен специально субъектному форманту (*-s*)» [35, с. 78—79].

Третья черта указывает на существование двух так называемых «серий» спряжения — субъектной и объектной, причем «объектное спряжение проступает более определенно, а именно благодаря сохранившимся чертам латинского герундия-герундива. Типологически сходное различие имеется в индоиранских, кельтских и, главным образом, в неиндоевропейских языках — картвельских, финно-угорских, кечумара и многих других. При этом строе предложения личный показатель субъектной серии соотносит предикат с подлежащим, а показатель объектной серии — с прямым и косвенным дополнениями» [36, с. 94]. Указанное строение принципиально отлично от схемы личных показателей в эргативных языках (например, в абхазско-адыгском глаголе) [36, с. 94, 29] и, следовательно, говорит против «эргативного прошлого» индоевропейского предложения, — в пользу его прошлого как предложения «активного строя» (ср. сходный вывод на основе других показателей, например, в [35, с. 46—47]). Кроме того, оно свидетельствует о существовании в протоиндоевропейском двух основных типов простого предложения — субъектно-ориентированного (неактивного) и объектно-ориентированного (активного) [37].

Последнее можно представить себе достаточно наглядно благодаря реально засвидетельствованным латинским предложениям такого, например, вида: (26) *faciundum est mihi illud fieri* (Plautus, Amphitruo, 891) «нужно мне это дело сделать», где показатель объекта, соответственно неодушевленного, *-d-*, повторяется в предикативе и в местоимении-объекте *illud* (до некоторой степени это передает и русский перевод с повторением показателя *-о*) и еще раз повторяется семантически в употреблении пассивного (а не активного) инфинитива *fieri*. Этот пример, возможно, похож на прусский (3).

*

Обращают на себя внимание еще две черты индоевропейских герундивов, вряд ли объяснимые только отмеченными выше общими особенностями строя индоевропейского предложения, но, по-видимому, объясняющие одна другую: 1) необычайное разнообразие морфологических типов герундива (превосходит герундив в этом отношении только индоевропейский инфинитив, который в одном ведийском насчитывает около 16 типов); 2) постоянное наличие во всех рассмотренных выше типах герундива так называемой *figura etymologica* типа русск. *послом ест, стоямя стоит*.

То, что герундив (как и инфинитив) морфологически различен в разных индоевропейских языках, объясняют обычно и, конечно, верно, отсутствием общей формы герундива в праязыке: он развивается позднее в каждом языке самостоятельно. Но истолковать этим б о л ь ш о е ж о л и ч е с т в о разных форм герундива вообще и в каждом отдельном язы-

ке нельзя. Прежде всего это явление следует объяснить общим принципом — нежесткой детерминированностью предшествующей, т. е. праиндоевропейской структуры в рассматриваемом фрагменте системы [ср. 38], ее вероятностным принципом: эволюция как бы испытывает множество форм, из которых утвердятся лишь некоторые. Но это лишь общий принцип.

Объяснение деталей заключается, по-видимому, в том, что каждый тип герундива первоначально (и, следовательно, еще в праязыке) связан с какой-либо одной лексико-семантической группой глаголов и, по крайней мере, отчасти, и с морфонологическими чертами последних. (Именно этим и вызвана *figura etymologica*: добавочный предикат, выраженный герундивом, первоначально просто дублирует главный предикат, повторяя поэтому его корень.) Весьма вероятны, а в некоторых из перечисленных ниже случаев и несомненны, следующие связи:

а) Истоками латинского герундива являются отложительные глаголы непереходного значения, вроде *orior* «происхожу», *sequor* «следую», **re-ior* «двигаюсь по кругу» и т. п., откуда прежде всего формы *oriundus*, *sequundus* (*secundus*), *rotundus* и т. п.; затем герундив обобщился на отложительные переходные глаголы типа *utor* «использую» и на активные глаголы, допускавшие непереходное употребление (*uolui* «качу») [6, с. 173]; примером «этимологической фигуры» в этом типе может служить (26).

б) Латинские наречия на *-tim* связаны, вероятно, первоначально с глаголами, означающими движения человеческого тела; возможно также, что приметой этих наречий был сначала краткий (и.-е. редуцированный) гласный корня: *statim* «стоя», *cursim* «бегом, поспешно», *ductim* «таща», *tractim* «таща» и т. д. Здесь особенно часта «этимологическая фигура»: (27) *ita statim stant signa* (Plautus, *Amphitruo*, 276) «стоя (т. е. в том же положении) стоят знаки»; (27a) *nunquam... aequae cursim curram* (Plautus, *Pseudolus*, 358) «и также никогда я бегом не побегу».

в) Древнеиндийские абсолютивы на *-am* морфологически охарактеризованы выше; синтаксически же преобладает такой тип, когда абсолютив как бы «подхватывает» главный предикат, семантически повторяя его с добавлением преверба, — в сущности тоже своеобразная «этимологическая фигура». Но и в собственном смысле слова она здесь очень редка [33, с. 369]: (28) *piṣṭasvedaṃ svedayitvā* (*Sāmaveda*, B, 2, 5, 4) «подняв (тесто) до тех пор, пока тесто не поднялось» и т. п.

г) Литовско-латышские герундивы на *-dam-* восходят, по мнению Х. Станга, к непереходным глаголам, притом к тем из них, которые морфологически характеризовались (а) исходом корня на гласную и (б) совпадением основы наст. вр. и инфинитива [29]. Черта (а) вряд ли может быть обоснована, но семантическая характеристика совпадает с таковой у латинских герундивов. «Этимологическая фигура» здесь также обычное явление: (29) литов. *šerk šerdamas žirgelį* «корми кормом (т. е. хорошенько) лошадку»; (30) лтш. *nac nakdama* «приходя приходи» [31, § 799].

Множественность морфологических истоков и оформлений индоевропейских имен действия, в частности деепричастий, неоднократно отмечалась [ср. 28, с. 429], но, насколько нам известно, только Э. Швицер нашел для этого факта достаточно общую и объяснительную формулировку: ни одно из индоевропейских образований *nomina actionis* не является подлинным именем действия — все они употребляются как определители при главных предикатах. Поэтому, например, при огромном количестве производных от и.-е. корня **ei-* со знач. «ходить» в греческом нет никакого обобщенного абстрактного типа **i:s* или *i:s*, как нет его и в славянском, где **itъ* и **itъ* служат лишь инфинитивом и супином. Абстрактное имя возникает на иных, не синтаксических, путях и от иного корня (греч. *ὁδός* «путь», слав. *chodъ* — оба от и.-е. **sed-* «садиться») [39].

В последнее время в литуанистических работах в этой перспективе дано объяснение литовским формам особого причастия-наречия *būdinys* на *-te*, которые связаны с инфинитивами на *-ti* и именами действия на *-(s)tis*, *-(s)te* [40, 41]: (31) *Bėgtė bėga* «бегом бежит»; (31a) *Pabėgau pabėgtinai, nebegrįšiu* «совсем (букв. «убегом») убежал, не вернусь»; (32) русск.

ревя ревет; нойма ност. Они оказываются такими же именами действия, как формы на -*dat-*, но их исходную лексико-семантическую сферу еще предстоит выяснить.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Persson P.* De origine et de primigenia gerundii et gerundivi latini.— In: *Skrifter utg. af Kungl. Hum. Vetenskapssamfundet i Uppsala*. III, 4. Uppsala, 1900.
2. *Aalto P.* Untersuchungen über das lateinische Gerundium und Gerundivum.— In: *Annales Academiae scientiarum fennicae*, 1949, ser. B, t. 62, 3.
3. *Szemerényi O.* The Latin gerundive and other -*nd*-formations.— In: *Transactions of the Philological Society*. 1950. Oxford, 1951.
4. *Haudry J.* Hypothèses sur l'origine des infinifs en grec ancien.— *BSLP*, 1975, t. 70, fasc. 1.
5. *Ambrazas V.* Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė. Vilnius, 1979.
6. *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
7. *Ernout A. et Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4-ème ed. Paris, 1967.
8. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots, t. IV, Paris, 1977, p. 1080.
9. *Schwyzler E.* Griechische Grammatik. 1. Bd., 4. Aufl. München, 1968.
10. *Chantraine P.* Note sur les adverbes en -*νδην*, -*νδα*, -*νδον* désignant les jeux.— *REG*, 1933, t. 46, № 27.
11. *Lejeune M.* Traité de phonétique grecque. 2-ème éd. Paris, 1955, 230.
12. *Мельничук О. С.* Развитие структуры слов'янського речення. Київ, 1966, с. 184.
13. *Benveniste E.* L'anaphorique prussien *din* et le système des démonstratifs indo-européens.— *Studi baltici*, 1933, III.
14. *Endzelins J.* Senprūšu valoda.— In: *Endzelins J. Darbu izlase*. IV. 2. Rīga, 1982.
15. *Prūsų kalbos paminklai*. V. Mažiulis [ed.]. II. Vilnius, 1981, p. 148.
16. *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. А — Д. М., 1975, с. 337.
17. *Pedersen H.* Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung. København, 1941, S. 93, 213.
18. *Benveniste E.* Hittite et indo-européen. Etudes comparatives. Paris, 1962, p. 64.
19. *Соболевский С. И.* Грамматика латинского языка. Часть теоретическая. М., 1948.
20. *Meillet A. et Vendryes J.* Traité de grammaire comparée des langues classiques. 4-ème éd., nouveau tirage. Paris, 1966.
21. *Ernout A. et Thomas F.* Syntaxe latine. Paris, 1951.
22. [Черный Э.] Греческий синтаксис гимназического курса, положенный сравнительно с русским и латинским. Составил Э. Черный. Изд. 2, вновь перераб. и значит. дополн. М., 1882.
23. *Haudry J.* L'emploi des cas en védique. [Lille], 1978, p. 43—44.
24. *Степанов Ю. С.* Оборот *Земля пахать* и его индоевропейские параллели (Балтославянское предложение. I).— *ИАН СЛЯ*, 1984, № 2.
25. *Guiraud Ch.* La phrase nominale en grec d'Homère à Euripide. Paris, 1962, p. 163.
26. *Hoffmann J. B.* Beiträge zur Kenntnis des Vulgärlateins.— *IF*, 1925, Bd. 48, Hf. 1, S. 112.
27. *Endzelins J.* Ursprung und Gebrauch des lettischen Debitivs.— In: *Endzelins J. Darbu izlase*, t. I. Rīga, 1971.
28. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958.
29. *Stang Chr. S.* Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo — Bergen — Tromsø, 1966, S. 444—445.
30. *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorinė gramatika. II. Vilnius, 1981, § 632.
31. *Endzelins J.* Lettische Grammatik. Heidelberg, 1923.
32. *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1965, § 287 (см. также § 258).
33. *Renou L.* L'absolutif sanskrit en -*am*.— *MSLP*, 1935, t. 23, fasc. 6.
34. *Елизаренкова Т. Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982.
35. *Десницкая А. В.* Сравнительное языкознание и история языков. II., 1984.
36. *Каймо Г. А., Алексеев М. Е.* Типология кавказских языков. М., 1980.
37. *Степанов Ю. С.* Индоевропейское простое предложение. Проблемы реконструкции.— В кн.: III Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания. «Типы языковых общностей и методы их изучения». Тезисы. М., 1984, с. 135—136.
38. *Степанов Ю. С.* Комментарий.— В кн.: *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974, с. 419.
39. *Schwyzler E.* Syntaktische Archaismen des Attischen. — *APAW*, 1940, S. 10—11.
40. *Lietuvių kalbos gramatika*. 2 t. Vilnius, 1971, §§ 686—687.
41. *Амбразас С. В.* Имена действия (nomina actionis) в древнелитовском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Вильнюс, 1984, с. 15.